

НЭТСИ

ПЕПЕЛ
ПОСЛЕ
ГРОМА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нэтси Нэтси

Пепел после грома

<https://litres.ru/73736779>

SelfPub; 2026

Аннотация

В бизнесе не принято верить в душу. Но что делать, если без неё проект обречён?

Екатерина Волкова — ведущий копирайтер амбициозного IT-гиганта «Disrupt». Она верит в VOID — уникальную соцсеть для интеллектуалов — как в нечто большее, чем просто код. Но когда руководство решает превратить её «алтарь» в очередной массовый продукт ради прибыли, Катя идёт ва-банк: прилюдно бросает вызов Председателю и ставит под сомнение его решения.

Ярослав Громов — человек, который не прощает ошибок. Он не кричит и не давит — он ломает. Вместо увольнения он предлагает сделку: один месяц, чтобы увеличить показатели проекта в три раза. Без упрощений. Без компромиссов.

На кону — всё: её карьера, его репутация и будущее компании.

Катя ещё не знает, что, пытаясь спасти VOID, она вскроет то, что было похоронено три года назад. В архивах «Disrupt» скрыты решения, превратившие живую идею в холодную империю.

Сможет ли она вернуть проекту душу — или станет его последним пеплом?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Нэтси

Пепел после грома

ГЛАВА 1

Утро в «Disrupt» всегда пахло одинаково: смесью дорогого клининг-сервиса, свежего кофе и едва уловимым электрическим треском сотен мониторов. Я зашла в здание в отличном настроении, чеканя шаг по глянцевому полу холла. Сегодня я была готова к войне. Но не к той, что разрушает, а к той, что созидает — к войне с ежедневными задачами, из которых рождаются шедевры.

Кивок охраннику, привычный писк турникета. Лифт послушно распахнул двери, принимая меня в свое зеркальное нутро. Нажала кнопку тридцатого этажа. Пока кабина плавно скользила вверх, я в красках представляла, как мой новый текст ударит по пользователям. Это не будет просто пост или рассылка. Это будет ментальный хук слева. Они будут читать его захлеб, забывая дышать.

VOID — наша соцсеть. Мой личный алтарь. Она станет лучшей не только на нашем рынке, но и за рубежом. И я, Екатерина Волкова, приложу к этому все свои силы, нервы и литры кофеина.

Двери разъехались. Опенспейс встретил меня привычным

гулом.

— Привет, Кать! — донеслось со стороны стола дизайнеров.

— Утро, Волкова! — отозвался кто-то из аналитиков.

— Привет всем! — отозвалась я, улыбнувшись коллегам, и прошла к своему месту, бросив сумку на кресло.

Компьютер отозвался приветственным миганием индикатора. Пока он запускался, я начала снимать куртку.

— Кать, привет. Слушай, я тут набросал текст для нашего обновления. Глянешь свежим глазом? — ко мне на кресле подкатил Макс, наш младший копирайтер.

Его глаза горели энтузиазмом.

— Она только зашла, Макс. Дай ей хотя бы раздеться, — подтрунила над коллегой Лена, сидевшая напротив. — Ты бы еще в лифте её поймал.

— Я взгляну, — я забрала распечатку из рук Макса и положила на стол. — Посмотрю сразу после кофе.

Взяв верхнюю одежду, я повесила её на вешалку и направилась в сторону офисной кухни. Мне нужно было топливо. Много горького, обжигающего топлива. Весь процесс был отточен до автоматизма: рожок, темпер, нажатие кнопки. Когда аромат свежемолотых зерен заполнил пространство, я на секунду зажмурилась от экстаза. Первый глоток — и мир стал четче.

Вернувшись к столу, я запустила рабочий чат и открыла календарь. Планы, правки, дедлайны... Обычный понедель-

ник. Начало недели всегда обещало быть жарким. Был бы привычный рабочий ритм, если бы не тень, упавшая на мой монитор.

— Волкова, ты уже здесь, — раздался голос начальника нашего отдела, Виктора Петровича.

Его голос звучал необычно сухо.

— Виктор Петрович, доброе утро, — я подняла на него глаза.

— Если бы оно было добрым... — он поправил очки. — В 10:00 срочное совещание в конференц-зале. Ты идешь со мной.

Я замерла с чашкой в руках.

— Я? — переспросила я, искренне удивляясь.

— В моем отделе ты единственная Волкова... За других не берусь ручаться. Так что — да, ты со мной. И лучше нам пойти туда уже сейчас.

— Ладно.

Я быстро схватила ручку и ежедневник, допивая кофе на ходу. Мы направились к лифту. Внутри вдруг кольнуло странное чувство тревожности. За три года моей работы меня ни разу не звали «наверх». Виктор Петрович всегда ходил на такие встречи один, а потом доносил до нас распоряжения руководства. Но что изменилось сегодня?

Лифт приехал. Мы зашли внутри, и когда Виктор Петрович нажал кнопку тридцать пятого этажа, мой пульс предательски подскочил. Там, в поднебесье «Disrupt», решались

судьбы. Чуть выше, на тридцать девятом, находился кабинет генерального директора Артема Лебедева, а на сороковом — владения загадочного Председателя, Громова.

За три года я ни разу не видела их лично. Лебедев был для меня фамилией на приказах, а Громов — и вовсе призраком. Говорили, что он не любит публичности и правит империей из тени, не спускаясь к «простым смертным».

— Уже известно, какая тема повестки? — решила я прервать затянувшееся молчание.

— Нет, — буркнул начальник, глядя на меняющиеся цифры. — По крайней мере, мне её не озвучили.

ГЛАВА 2

Лифт замер, и двери разошлись с тихим шелестом. Мы вышли в просторный холл тридцать пятого этажа и направились к залу. Внутри уже сидели люди — директора, начальники отделов, элита «Disrupt». Многих я видела впервые, а пустующие места намекали на то, что собрали далеко не всех. Только тех, кто «в теме».

Мы поздоровались с присутствующими и заняли свои места в конце длинного стола. Время тянулось мучительно долго. Я была натянута как струна: мысли то и дело возвращались к недописанным текстам и горящим дедлайнам. А я сижу здесь и жду... чего? Очередной лекции о корпоративных ценностях?

Вскоре по залу поползли шепотки. Коллеги строили догадки, зачем нас выдернули с рабочих мест в понедельник утром. Но как только двери снова распахнулись и вошли те, кого ждали, в помещении стало физически трудно дышать. Атмосфера сгустилась до предела.

Все встали, приветствуя вошедших. Последние свободные места во главе стола были заняты. Наконец-то должно было произойти то, ради чего мы здесь собрались.

Один из мужчин — как я поняла, это был генеральный директор Артем Лебедев — оперся руками о стол и обвел нас усталым взглядом.

— Прошу прощения за срочность, — начал он, и его голос прозвучал как удар колокола. — Но дело не терпит отлагательств. Сегодня мы обсудим смену направления развития VOID.

«Смену направления?» — промелькнуло у меня в голове. — «Это еще что за чертовщина?»

— Как вы все знаете, VOID разрабатывалась как уникальный проект. У нашей соцсети нет аналогов, и это одновременно её плюс и минус. К нашему большому сожалению, за три года мы и близко не достигли тех показателей, на которые рассчитывали. Поэтому Председателем было принято простое решение об изменении курса развития проекта. Мы упростим интерфейс. Сделаем соцсеть более доступной и массовой. Знаю, это будет сложно — всё равно что собрать её с нуля. Но мы будем делать это постепенно. Чтобы пользователи не ощутили нашего отсутствия.

Внутри меня что-то оборвалось.

«Чего, мать их за ногу?» — недовольство вскипело мгновенно, обжигая горло.

Это был удар в спину. Нет, хуже — мне будто только что вырвали сердце и предложили заменить его дешевым пластиковым протезом.

— Понимаю, что для всех вас это звучит неожиданно, — заговорил второй мужчина, сидевший по правую руку от Лебедева. Он был старше, холоднее и смотрел на нас так, будто мы были строчками в скучном отчете. — Но это вынужден-

ная мера. Рынок изменился. Пользователи не хотят от нас сложных задач. Всё, чего они хотят — просто потреблять контент. Быстро, легко и максимально комфортно.

Я не выдержала. Короткий, сухой смешок сорвался с моих губ раньше, чем я успела его подавить. В тишине зала он прозвучал как выстрел. Все взгляды тут же устремились на меня. Виктор Петрович под столом больно сжал мое колено, но меня уже несло.

— Простите, конечно, — я выпрямилась, чувствуя, как щеки горят от ярости, — но всё, что вы сейчас здесь сказали... это бред сивой кобылы.

Артем Лебедев замер. Человек рядом с ним медленно поднял на меня взгляд, в котором не было ничего, кроме ледяного удивления.

— «Народ не хочет сложностей»? — продолжила я, игнорируя ужас в глазах коллег. — Нет. Люди не хотят, чтобы из них делали идиотов, но боятся в этом признаться. Мы — те, кто формирует рынок. Мы задаем спрос и предложение. Люди жрут только то, что им дают! И если их отовсюду кормят шлаком, не давая сбалансированного питания, они и не захотят его. Но не потому, что любят мусор, а потому, что они просто не знают, что бывает по-другому!

Я замолчала на мгновение, чтобы перевести дух, но остановиться уже не могла.

— VOID — уникальная соцсеть. Она вне конкуренции, потому что она не для всех. Но нам никогда и не были нуж-

ны «все»! Зачем нам тупое стадо баранов, когда всё, что нам нужно — интеллектуально развитое общество? Вы хотите променять качество на посредственность. Стать очередной соцсетью, которых и так жопой жуй на рынке. Вы убиваете личность проекта! Смешиваете усилия сотен людей с дерьмом ради того, чтобы стать однодневкой? Погаснуть на пике, вместо того чтобы усиливать уникальность?

— Волкова, уймись! Сейчас же! — прошипел Виктор Петрович, но я только сильнее вцепилась пальцами в край стола.

— Я пришла в «Disrupt» три года назад именно из-за VOID. Для меня это был не просто проект. В нем была душа. Он был отдушиной для тех, кто потерялся, погряз в одиночестве и апатии. Это откликнулось во мне! А теперь вы собираетесь придушить эту душу собственными руками? Не всё в мире измеряется сиюминутной выручкой. Идеям нужно время, чтобы настояться. Дайте людям осознать ценность того, что у них перед носом!

— Волкова... — снова попытался мой начальник, но я перебила его, глядя прямо на руководство во главе стола.

— Вы сейчас убиваете не только VOID. Вы убиваете сотрудника во мне. Я не знаю, что творится в головах у Председателя и гендиректора, раз они решились на такую низость, но мне кажется, им обоим пора обратиться к врачу. И чем быстрее, тем лучше! Здесь пахнет не только профнепригодностью, но и чем-то потяжелее... Я не собираюсь молчать. И если Председатель одобрит это глупое, трусливое решение

— это будет смертный приговор для компании. Я лучше уволюсь по собственному, чем стану соучастницей этого самоубийства!

Я замолчала. В конференц-зале воцарилась такая тишина, что было слышно, как гудит кровь в ушах. Мой начальник медленно закрыл лицо рукой. А человек во главе стола, которого я только что отправила к психиатру, начал медленно подниматься со своего места.

ГЛАВА 3

— Все вон. Совещание окончено. Все, кроме вас, Волкова.

Голос Председателя прозвучал негромко, но в нем была такая мощь, что люди подпрыгивали с мест, едва не опрокидывая стулья. Начальники отделов испарялись из зала с рекордной скоростью. Виктор Петрович бросил на меня последний взгляд — смесь соболезнования и ужаса — и тоже исчез за дверью. Артем Лебедев задержался на секунду, бросил на меня странный, оценивающий взгляд и, коротко кивнув Громову, вышел последним.

Щелчок замка прозвучал как выстрел в тире.

Я осталась стоять, сжимая в руках свой ежедневник. На мгновение внутри шевельнулось липкое, холодное сожаление.

«Зачем я это сделала? Зачем перешла на личности?»

Но я тут же задавила эту слабость.

«Нет. Не позволяй себе сомневаться. Ты сказала правду, а правда не бывает вежливой»

Атмосфера в зале давила так, что ноги стали ватными. Председатель медленно обошел стол. Теперь, когда между нами не было толпы директоров, он казался еще выше и опаснее.

— Должен признать — это было смело, — заговорил он, и

в его голосе послышалась ядовитая ирония. — Посоветовать генеральному директору и председателю посетить врача... прямо при всех. Bravo! Обязательно попрошу свою секретаршу записать меня с Лебедевым на прием в ближайшее время. Раз уж диагноз «профнепригодность» нам уже поставлен.

Внутри всё похолодело. Значит, мужчина передо мной — действительно Громов. Тот самый «призрак» сорокового этажа. А тот, кто начал совещание, — Лебедев. Я попала в яблочко, но это было яблочко на моей собственной мишени.

Мне конец. Эта мысль пронеслась в голове со скоростью света. Но показать слабость сейчас — значило признать поражение. А Волкова не проигрывает. По крайней мере, не без боя.

— Уволите меня за это? — я вздернула подбородок, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Не стоит лишний раз напрягаться. Я уйду сама.

Я крепче перехватила ежедневник, развернулась на каблуках и направилась к выходу, чеканя шаг. Каждый сантиметр пути до двери казался бесконечно длинным.

— Я вас не отпускал.

Этот короткий приказ заставил меня замереть на месте, как вкопанную. Сердце бешено заколотилось в ребра, ладони мгновенно стали влажными. Я чувствовала его взгляд на своей спине — тяжелый, обжигающий.

— Выкатили такую мощную тираду и тут же решили убе-

жать в кусты? — Он начал медленно приближаться. Я слышала его шаги по дорожному ковру. — Знаете, что я ненавижу в людях больше всего, Волкова? Когда они не могут взять ответственность за свои слова и поступки. Вы, видимо... как раз из таких. Трусливый критик.

Его слова ужалили, будто он был осой, целящейся в самое болезненное место. Гордость вспыхнула ярким пламенем, выжигая остатки страха. Я резко развернулась к нему, забыв о всякой субординации.

— Не равняйте всех по себе! — выпалила я и тут же прикусила язык, осознав, что только что добавила еще одну статью к своему «смертному приговору». Но останавливаться было поздно. — Думаете, я не осознаю, что сделала? Я всё прекрасно понимаю. И высказалась я только потому, что мне не всё равно на VOID... на «Disrupt». Несмотря на риск потерять работу и уничтожить свою репутацию в щепки.

Ярослав остановился всего в паре шагов от меня. Он был настолько близко, что я чувствовала аромат его парфюма — холодный, с нотами кедра и чего-то металлического.

— Тогда почему так кичитесь своим увольнением? — Он склонил голову набок, изучая меня, как препарированное насекомое. — Боитесь последствий своего опрометчивого поступка? Ждете, когда я вызову охрану?

— Ничего я не боюсь! — ляпнула я, не подумав.

И в ту же секунду на лице Председателя появился хищный, почти животный оскал. Это не было улыбкой в обыч-

ном понимании — это было выражение превосходства охотника, который загнал добычу туда, куда хотел.

— Не боитесь? — переспросил он, и в его глазах вспыхнул опасный огонь. — Проверим... Волкова. Раз уж вы так печетесь о «душе» проекта, я дам вам шанс её спасти. Но если провалитесь... поход к врачу покажется вам легкой прогулкой.

Я смотрела в его глаза и понимала: я только что добровольно зашла в клетку к льву. И он не собирается меня выпускать.

ГЛАВА 4

— Даю вам месяц, Волкова.

Голос Председателя разрезал тишину зала, как скальпель. Он смотрел на меня в упор, и в этом взгляде не было ни капли сочувствия — только холодный расчет игрока, который ставит на темную лошадку ради забавы.

— Повысьте наши охваты с продажами... скажем, в три раза. Если не справитесь, писать заявление вам даже не придется. Уволю без него.

Я на секунду опешила. Мозг лихорадочно начал выстраивать графики. В три раза? За месяц?

— Что? Повысить продажи? — вырвалось у меня. — Я вообще-то не продажник, чтобы...

— Не думал, что ваш пыл так быстро угаснет, учитывая вашу яростную бравату, — Председатель прищурился, и на его губах снова заиграл этот невыносимый, хищный оскал. — Что, Волкова, как только дошло до дела, а не до простого трепания языком с красивыми словами о «душе» проекта, вы струсили?

Короткий, резкий смешок вырвался из моей груди. Он решил взять меня на слабо? Что ж, вы плохо меня знаете.

— Ладно. Я принимаю этот вызов. Увеличу и охваты, и продажи... для вас. Но при одном условии.

Бровь Председателя поползла вверх. Кажется, он не при-

вык, чтобы ему выставляли условия.

— Вы не будете никоим образом мне препятствовать, — отчеканила я, глядя ему прямо в глаза. — И предоставите всё необходимое для выполнения поставленной задачи.

— Например? — в его голосе проскользнул интерес.

— Мне нужны архивные данные по VOID. С времен, когда «Disrupt» только начинал зарождаться.

Громов на мгновение замолчал, будто взвешивая, стоит ли пускать «дерзкого сотрудника» в святая святых компании.

— Идет. Я скажу Самойловой, чтобы она предоставила вам всё необходимое.

— В таком случае... я могу быть свободна? — я покрепче сжала ежедневник, чувствуя, как адреналин начинает понемногу отпускать, оставляя после себя дрожь в пальцах.

— Да... Но помните, Волкова: если вы проиграете, вылетите отсюда с позором, который вам даже не снился.

— А если я выиграю... — я замерла у самой двери, обернувшись через плечо.

Ярослав медленно сел в свое кресло, откидываясь на спинку.

— Тогда просите всё, что хотите.

— Вы сами это сказали, Председатель. Не отказывайтесь потом от своих слов.

— Я никогда не нарушаю своих обещаний, — бросил он мне вслед.

Я кивнула и буквально выскочила из конференц-зала, пока он не передумал, или пока мой собственный мозг не осознал весь масштаб катастрофы. Двери захлопнулись, и я наконец-то смогла вдохнуть полной грудью.

«Боже правый... Виктор Петрович меня убьет раньше, чем я успею переступить порог опенспейса», — пронеслось в голове.

Я шла по коридору тридцать пятого этажа, и звук моих каблуков по плитке казался мне обратным отсчетом.

«Хотя я и сама бы себя сейчас прикончила... сама только что вырыла себе могилу».

«Вот черт!»

ГЛАВА 5

Пока лифт вез меня на тридцатый этаж, мозг активно бил тревогу, не давая мыслить трезво. Цифры этажей на табло мелькали перед глазами, как обратный отсчет до взрыва. Мне срочно нужна была еще одна доза кофе и тотальный мозговой штурм. Слишком многое стояло на кону: репутация, карьера, мой профессионализм, который я строила три года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.